

Бенно быстро проходит по коридору, неся меня на руках. Его шаги порождают тряску моей головы. Ещё чуть-чуть и мои мозги будут всмятку. Было бы намного лучше, если бы он шёл более осторожно.

Кажется я слышу шаги позади. Кто-то преследует нас.

— Мастер Бенно, пожалуйста, подождите!

Это был голос Франа. Когда моя голова повернулась, стало видно верхнюю половину его тела. Подойдя на пол шага к Бенно, он снова обратился.

— Мастер Бе...

— Что ты хочешь? Говори быстрее, я спешу.

Бенно хочет продолжить идти, потому и не пытается быть вежливым. Из-за грубого ответа, Фран на секунду вздрагивает.

— Пожалуйста, позволь мне нести Сестру Мэйн.

— Нет. Я спешу.

— Я ее сопровождающий. Я не могу позволить посетителю нашего храма, особенно такому как ты, нести моё бремя.

От настойчивости Франа, мое сердце затрепетало в напряжении, после чего Бенно перестал идти.

— Она не может двигаться, она крошечная и тяжелая. Не бросайте ее.

— Я Понимаю это.

Бенно опускается на колени, заботливо передавая меня Франу. Фран заботится о том, чтобы моя голова надежно опёрлась на его плечо, а затем встаёт на ноги. Теперь не будет этой ужасной тряски, которая чуть не оставила меня без головы.

— Фран, — говорю я, — ты хорошо носишь на руках.

— Я должен попросить вас воздержаться от ненужного разговора», — отвечает он, немного колким и гневным тоном.

— Я не могу двигать своим телом, но голова чиста, поэтому это не напряжение.

-... вы, однако, не обращаете внимания на свою манеру речи.

Его слова обеспокоили меня. Я смущенно улыбаюсь от того, насколько он беспокоится за меня, но, в то же время, испытываю счастье.

— Хм, когда Делия и Гил будут рядом, у меня не будет возможности поговорить с вами наедине. Могу ли я вас спросить кое-что, что должно остаться между нами?

Поскольку на пути то и дело встречаются священники, я начинаю говорить полусшепотом. Не уводя взгляд с пути, Фран слегка кивнул мне.

— Во всех смыслах.

— Хм, я до сих пор ничего не знаю о том, как быть благородной, и я думаю, что действительно смущала вас, но буду стараться изо всех сил учиться так быстро, как могу, но в этом мне нужна ваша помощь. Я хочу узнать, как стать полезной для отца Фердинанда, мне кажется, и вы хотите быть ему полезным, так что мы могли бы вместе работать над этим?

Его хват стал грубее, а кадык прыгнул от сглатывания. Похоже, это произошло из-за удивления.

— В конце концов, это мой долг. ...Я должна была принести извинения раньше. Мое предположение о намерениях отца Фердинанда было неправильным, и я позволила своему личному недовольству вылиться на вас.

— А? Что вы имеете в виду? Он вам ничего не объяснил?

Я ошарашена. Конечно, если его назначат без каких-либо объяснений он будет недоволен. Был помощником в прямом служении главному священнику и внезапно назначен простой ученицей-жрицей — и даже не благородной, а простолюдинкой, — это выглядит как понижение.

— Отец Фердинанд никогда не уверен в том, в чьи уши попадут его слова, поэтому он очень мало говорит, ведь его слова могут быть использованы против него. Несмотря на то, что он расчистил комнату во время нашей встречи, я была очень удивлена, услышав, сколько он говорит.

— Нет, нет, подождите, это большая проблема, если ваши подчиненные не знают, чего вы на самом деле хотите. Вы не знали, почему были назначены мне, и это вас огорчает?

Честно говоря, я не понимаю, что вынуждает главного священника расстраивать преданных ему людей. Если так продолжится и дальше, он останется без союзников.

— Абсолютно точно. Моё назначение к вам, означает для меня, что я нахожусь на одном

уровне с Делией или Гилом, и что отец Фердинанд больше не нуждается во мне.

— Это не правда! Я ни на секунду не поверю, что он пытался избавиться от вас, назначив вас служить мне.

Шепча ему это, я пытаюсь укрепить свою преданность главному священнику, но, в то же время, я надеюсь, что это заставит его относиться ко мне немного лучше.

— Почему ты так думаешь?

Он сформулировал это как вопрос, но тон его голоса довольно решительно отвергает эту идею.

— Думаю, он считает, что просто одалживает вас. В конце концов, хотя я должен быть твоим новым управляющим и хотя мистер Бенно, гость, был прямо перед ним, он дал тебе прямой заказ, не так ли? Он сказал, чтобы вы смогли ослабить мое состояние. Если бы я была обычной благородной, разве это не было бы слишком грубым?

-... Хм, это было бы так грубо, как вы говорите.

На его губах мелькнула кривая улыбка. Тем временем, двери храма распахнулись перед нами. Похоже, карета прибыла совсем недавно. Глаза кучера судорожно дрожали, похоже он удивлен тому, как быстро мы прибыли.

— Фран, передай ее мне, — говорит Бенно, уже вскочив в карету.

Фран на мгновение колеблется, но всё же передаёт меня в руки Бенно.

— Могу ли я тоже ее сопровождать?» — нерешительно спрашивает он.

— Нет, — отрезал Бенно занося меня в карету.

— Покидая храм так, вы оставляете немало вопросов.

Фран впал в замешательство и опустил глаза на свою робу. Похоже, он никогда не думал, что его отвергнут, исходя из того, что он носил.

— Но у нас, священников, нет другого...

— Если вам все равно, что они старые, я найду для вас, в следующий раз, что-нибудь другое.

— Я была бы очень благодарна.

Поблагодарив Бенно, Фран, стоя у кареты, скрестил руки перед его грудью, слегка поклонившись.

— Сестра Мэйн, я искренне жду вашего возвращения и надеюсь, что оно будет безопасным.

Прозвучало так, словно он слуга, провожающий хозяйку из дома. Это сильно встревожило меня. Понятия не имею, как ответить ему. Для меня, Главный священник все ещё остается мастером Франа, потому что я не гожусь на эту роль. Никогда не могла бы подумать, что буду для кого-то человеком, возвращение которого будут искренне ждать.

Пока я кое-как пыталась занять удобное положение, Бенно приблизился и прошептал мне на ухо:

— Скажи ему: «Я оставлю тебе пару вещей на время, пока меня не будет».

Даже если я скажу: «Я оставлю тебе пару вещей на время пока меня не будет.», что я ему оставлю? Храм не мой дом. У меня нет комнаты здесь. Я так и не нашла место, которое смогла бы назвать своим домом. Я бы с легкостью избежала произнесения этой фразы, но когда Фран говорит мне, что будет ждать меня, у меня возникает неприятное чувство, что он будет ждать меня, как слуга ждёт своего хозяина.

Я глубоко вздыхаю, чтобы не запнуться во время речи.

— Фран, я оставлю тебе пару вещей на время, пока меня не будет.

В карете я лежала на сиденье, а моя голова была на коленях Бенно. Бенно накрыл меня плащом, предварительно сняв Золотую Брошь. Теперь я ощущаю, что тепло возвращается к моему холодному телу. Вздохнув с облегчением, я вдруг поняла в какой ситуации оказалась. Я через силу завопила.

Что за черт?! Моя голова у него на коленях!

Я не могу в это поверить. Мало того, что Бенно был первым человеком, который передал мне секретную записку, он первый человек, исключая родственников, на коленях которого я когда-либо лежала. Это же ничего не значит, да? Здесь же нет романтики, так что не значит?

Поскольку я не могу убрать голову с его ноги, у меня нет выбора, кроме как скрежетать зубами, продолжая пребывать в этой чрезвычайно смущающей и неловкой ситуации, пока мы не доберемся до магазина.

Чтобы оттолкнуть безумное желание бежать как можно дальше от этой ситуации, я задаю вопрос Бенно. Мои слова выходят, должно быть, слишком быстро.

— М-М-Мистер Бенно, у священников нет уличной одежды?

— Священникам не нужна уличная одежда. Поэтому в этом нет ничего необычного.

Далее, он объясняет, что в том редком случае, когда священник покидает стены храма, он должен провести церемонию. Священники в серых робах не выделяются так сильно, как те, которые в синих, но и те и те привлекают достаточно внимания, если бесцельно бродят по улицам. Помимо этого, если серый священник будет следить за мной, это привлечет внимание и ко мне.

— Ну, тогда, хмм...

— Не беспокойся, — произнёс он спокойным тоном, мягко поглаживая мои волосы.

Он держит мои холодные руки так, словно пытается отдать часть своего тепла. Именно так поступают, когда второй половинке плохо. В прошлой жизни у меня не было опыта в этих вопросах, поэтому сейчас я испытываю смущение, плавно перетекающее в недоумение. Я просто не знаю как мне реагировать.

Если его слова прозвучали резко, но он этого не хотел, люди вокруг могут подумать о нём странно!

Марк, находившийся напротив нас, медленно опустил на меня глаза и, словно читая мои мысли, заговорил.

— Мастер Бенно, Мэйн не Лиза. Все хорошо.

... Я это знаю, — отвечает он, глядя в окно. — Я знаю это, только не повторяй, всё хорошо.

Однако он не отпустил моих рук. Из-за того, что он не смотрит в мою сторону, выражение его лица мне неизвестно, но несмотря на это, я понимаю, что слова ударили его прямо в сердце. Думаю, что когда его возлюбленная умирала, она улыбалась и говорила: «все будет хорошо»

Я не могу произнести и слова, и не могу найти в себе силы что бы взять его большую и теплую руку, поэтому мы поедем так, пока не прибудем до Компании Гилберта.

Когда кучер открыл карету, Марк выпрыгнул на улицу, распахнул дверь магазина и тут же начал раздавать инструкции работникам внутри. Несмотря на то, что он явно спешит, он всё равно демонстрирует свои навыки дворецкого. Бенно берёт меня, всё ещё накрытую его плащом, на свои руки и несёт внутрь магазина. Когда мы доберёмся до подсобки, подготовленные Марком сотрудники донесут меня до кушетки.

— Лютц, пожалуйста, заходите в бэк-офис, — зовет Марк.

Кажется, Лютц ждал меня здесь, делая работу в это время. Когда Марк позвал его более громким голосом, я услышала его торопливые шаги.

Бенно снял с меня плащ и положил на кушетку. Моя рука бессильно повисла, но Бенно взял её и положил мне на живот. Удивительно насколько я слаба, что даже и рукой пошевелить не смогла. После, он очень чутко накрыл меня своим плащом, словно каким-то одеялом.

— Лютц, у Мэйн был обморок в храме.

Лютц аккуратно проверил моё лицо, прикоснулся ко лбу, к задней части шеи и моим рукам, склонив свою голову в недоумении

— Цвет её лица похож на тот, который бывает после обморока, но её не лихорадит. Её руки холодные, так? Она не может шевелиться, хмм... Никогда не видел ничего подобного. Привет, Мэйн. Что ты делала сегодня?

По его просьбе я начинаю рассказывать о событиях своего долгого, долгого дня.

— Ум-м-м, я пошла в храм, провела обряд обеда, прочитала молитвы, мне назначили помощников, главный священник разъяснил мне некоторые моменты, затем я прочитала Писания в библиотеке, пока вы не пришли забрать меня. Думаю, вам с Мистером Бенно известно что было дальше.

— Что такое «посвящения»?

— Ум-м-м, ставить ману в свечку.

Пока я говорила, у меня заурчал живот. Внимание всех в комнате обратилось на него.

Думая об этом урчании, я вспомнила, что пропустила обед. Ранее, я находилась в крайне напряжённой атмосфере, потому и не задумывалась об этом, однако теперь я думаю об этом, и это только усиливает голод.

-... Ох, кажется, я голодна, — говорю я.

Напряжение в воздухе ослабевает. Марк улыбнулся и повернулся, чтобы открыть дверь, ведущую наверх.

— У неё не лихорадка, она просто голодна, я не думаю что её состояние резко ухудшится в

ближайшее время. Мастер Бенно, позволь подняться наверх, что бы принести ей что-нибудь поесть.

— Конечно.

После того, как они вдвоем ушли, Лютц поставил стул напротив кушетки. Он садится на него и нахмушивается. Похоже, он не удивлён моей историей.

— Насколько сильно ты сейчас голодна? Что ты ела на обед?

— Я пропустила обед.

Он склонил голову в удивлении: «И зачем пропустила?»

— Я не хотела тратить время, отведённое мне на чтение. Мне не сложно продержаться пару дней без еды, если будет что почитать.

Только я это сказала, как нефритовые глаза Луца злобно прищурились и наполнились холодным гневом.

— Итак, Мэйн, — говорит он резким тоном. — С чего ты так решила?

— А? С чего...?

— С тех пор, как ты стала Мэйн, ты пыталась писать книги, потому что у тебя их не было, не так ли? Итак, когда тебе стало известно, что ты можешь голодать так долго? Вы уверены, что это было не раньше?

— Ах...

Когда он произнёс это, у меня проступил холодный пот. Лютц знает, что я не настоящая Мэйн. Во мне есть память Урано. Именно это он хочет сказать. Два дня без еды — мой поступок во времена когда я была Урано. С тех пор как я заболела, слабая Мэйн, пропускала приёмы пищи только в том случае, когда была больна настолько, что не могла есть. Я никогда не пропускала еду по собственному желанию.

— К тому же, ты сказала что использовала свою ману, это значит, что ты целенаправленно возобновила свою лихорадку, так? Получается, что когда ты была при смерти, твоя температура быстро поднялась и так же быстро опустилась до нормы, правильно? Разве твоя мана тоже не поможет?

— Всё не так. Посвящение забрало из меня ману силой. Это не похоже на обычную для меня ситуацию, когда во мне бушует лихорадка и мне некуда деваться от неё.

— Но та часть, где движется твоя мана, та же самая, верно? И так, ты подвергла своё слабое, хрупкое тело, столь сильному стрессу, пропустила обед, а потом ещё и шатались где-то? Не удивительно что ты упала в обморок! Как же это глупо с твоей стороны! — крикнул он.

Он беспомощно выдохнул, поднял мою руку и начал бить ей мне по лицу: «Тебе так холодно, хотя сейчас лето», — бормочет он, глядя на меня так, будто вот-вот заплачет.

— Ты могла умереть. Не поступай так со мной. Когда что-то подобное случается каждый раз, когда я перестаю за тобой следить... моё сердце просто не может вынести этого».

Я хочу протянуть руку, чтобы утешить его, но единственное, чем я могу пошевелить — веки и губы. Такое чувство, будто мои руки и ноги попросту забыли, что значит движение.

— Я была так счастлива в библиотеке, что забыла обо всём. Простите, Лютц.

В его глазах наворачиваются слёзы. Он крепче сжимает мою руку, становясь еще злее.

— Не забывайся! Это же твоё тело, верно?!

— Что это за шум? — говорит Бенно, входя в комнату. — Лютц, ты кричишь на больную девушку. Говори сдержаннее.

Он выглядит так, словно быстро изменился. Он идет к нам, смотря хмурым взглядом на Лютца. Лютц отпускает мою руку и освобождает стул для Бенно. Отойдя в сторону, на его лице проступает разочарование.

— Но мастер Бенно. Она чрезмерно увлеклась чтением в связи с чем пропустила обед и, как следствие, упала в обморок. Я...

— Ты полная идиотка! — рычит он на меня.

— Гьях?! — пропищала я.

Бенно, недавно просивший не кричать на больную девочку, разразился на меня голосом, подобным раскату грома. Я не могу никуда деться от его крика. Да что уж там, я даже уши заткнуть не могу. Всё что мне остаётся, смотреть на него сквозь слёзы и слушать крик.

— Причина по которой люди с «пожиранием» растут так медленно, заключается в том, что

мана поглощает пищу. Зная это, как ты могла использовать ману, а потом ещё и пропустить обед? О чем ты только думала?

— Я... я не знал этого...

— Это особенность твоего тела! Позаботься о сборе базовой информации о себе, простофиля!

— Е-е-есть сэр!

То что он сказал — абсолютно правильно, но я без понятия, как мне узнать что-то о «пожирании». Однако, если я скажу ему об этом, это только ухудшит ситуацию, так что придётся держать рот на замке.

— Мэйн, — говорит Марк, неся поднос в комнату, — ваше наплевательское отношение к себе не ново для этого мира, но, пожалуйста, уделяйте больше внимания своему телу. Также, Мастер Бенно, я бы попросил вас воздержаться от крика на девушку, обессиленную настолько, что даже не может сидеть.

Голос Марка звучит нежно, но его слова держат меня в напряжении. Он ставит поднос с посудой и помогает мне сесть.

— Мэйн, тебе достаточно полегчало, чтобы начать трапезу?

Еда представляла из себя сухари, размоченные в молоке с добавлением мёда. Выглядит вкусно и аппетитно.

— Лютц, — продолжает он, — пока я помогаю ей сидеть, ты не мог бы покормить её?

— Я не очень хорош в этом, так что я, вероятно, могу испачкать одежду.

С обеспокоенным выражением лица, он указывает на мою синюю робу. Поскольку это одежда знати, она сделана из дорогого, высококачественного материала. Если испачкать его — это будет большая проблема. Ещё одна проблема заключается в том, что эти роботы надеваются через голову. Поскольку я не могу двигаться, снять их с меня, удерживая моё тело в вертикальном положении, было бы огромным делом.

— Так, похоже это целая головоломка, не правда ли.

— Марк, сходи за твердыми кусочками мёда. Если она не может шевелиться, снять с неё эту одежду будет большой проблемой.

По указанию Бенно, Марк принёс небольшой кусочек кристаллизованного мёда. Он твердый и колкий, как компэйто (Прим. пер.: Компэйто — японские традиционные карамельные конфеты, имеющие португальское происхождение). Крутя его во рту, он постепенно начинает рассасываться, и его сладость наполняет всё моё тело.

Похоже, что пропуск всего одного приёма пищи создал серьёзную нехватку энергии. Когда кусочек мёда окончательно растаял, я ощутила прилив сил. Я взяла ещё пару кусочков, и пока рассасывала их, Бенно грубо почёсывал свою голову.

— Мэйн, старший священник говорил что-нибудь об использовании вашей маны? Он интересовался твоим самочувствием, или говорил вам о том, что что-то подобное этой ситуации, может произойти с тобой...?

Я вспоминаю сегодняшнее утро.

— Хммм, он говорил, что я должна делать посвящения настолько долго, насколько мне позволяет моё самочувствие. Посвящения создавали в моём теле непередаваемую легкость и свежесть, так что я и не воспринимала их как нагрузку

— Ах, я вижу. Но поскольку «пожирание» преследует тебя на протяжении всей жизни, ты попросту привыкла к тому, что тело всегда переполнено маной, не так ли? Может ли быть такое, что-то, к чему ты очень привыкла, уходит, тем самым вызывая некоторую ненормальность?

— Возможно вы правы

Я концентрирую свою волю, ослабляя печать, которая сдерживает мою ману. Медленно и осторожно, позволяю крошечному кусочку тепла течь через моё тело. Тут же я почувствовала, что мои холодные пальцы стали теплеть. После того, как я убедилась, что не оставила без тепла и кусочка тела, я закрыла печать.

— Похоже, ты был прав», — говорю я. — Мое тело стало немного теплее.

Лютц немедленно произнёс: «Удостоверься что не переусердствовала, а то можешь перегреться и потерять сознание», — предупреждает он, полностью отдавая себе отчет о моих возможностях.

— ... Я думаю со мной всё будет в порядке.

Теперь, когда тепло вернулось в мои руки, я медленно пытаюсь сжать и разжать кулак. Это удаётся с большим трудом, но хоть что-то по сравнению с тем что было.

Когда Бенно увидел это, он с облегчением положил свою руку на грудь.

— ... Мэйн, большая часть информации, которую я имею о «пожирании», — это слухи. Вы должны спросить главного священника о мане. Он юн, но довольно умён для священника в синей одежде.

-... А? Он юн?

Я несколько раз моргнула от недоумения. Бенно пробормотал что-то про себя, про то, как сложно объяснить, как молод кто-то, такому ребёнку как я.

— Он выглядит лет на двадцать два или двадцать три? — спрашивает он. — Выглядит как неопытный, как будто не прошел через многое, так что может показаться и моложе...

— Не может быть! Мне показалось, что он выглядел на тридцать! Не думаю, что он моложе вас, мистер Бенно!

— Мэйн, — говорит он, сверля меня взглядом, — Вы так в этом уверены?

Я думаю, что лучше об этом не говорить.

Главный священник очень сдержан, у него есть своего рода достоинство, он умеет руководить другими и уверенно держит звание главного священника. Разве все это не занимает много времени?

Пробувнив про себя, я начинаю двигать телом, постепенно поворачиваюсь и готовлюсь встать. Из-за того, что я ещё недостаточно пришла в себя, я падаю с кушетки.

— Мэйн! — вскрикнул Лютц.

— О чём ты только думала делая это, какая дурость! — прокричал Бенно.

— Я просто подумала, что пора вставать...

Все трое разозлились на меня за это.

— Минуту назад вы и пошевелиться не могли! — кричит Бенно. — Вы думаете, что после этого, можно так легко подняться?

— Ах, — говорит Марк, — кажется, тебя и на мгновение нельзя оставить одну.

— Пожалуйста, — просит Лютц, — просто оставайся на месте!

Все они, казалось, почувствовали облегчение от того, что мне немного полегчало, но теперь их беспокойство превращается в разгневанность. Они собрались вокруг меня, а я лежу на полу. Их гнев излучается из них словно аура.

— Лютц, — говорит Бенно, — каждый раз, когда ты встретишь Мэйн из храма, говори с Франом, ее слугой, получишь от него подробный отчет о мероприятиях дня, использовании её маны и информацию о том, что она ела.

— Хорошая идея, добавляет Марк. — Если ее действия не будут тщательно контролироваться, то кто знает, что может произойти. Как вы можете ясно видеть.

Бенно беспокойно постукивает пальцем по столу, раздраженно глядя на меня. На первый взгляд Марк, кажется, улыбается, но такая улыбка, которая отнюдь, не радует глаз.

Я не могу возражать, поэтому покорно опускаю голову от стыда.

— Я верю что тебе стыдно, — тихо говорит Лютц.

— А?

— Если перед вами книга, я не думаю, что кто-то под вами, даже ваш сопровождающий, сможет привлечь ваше внимание.

Лютц, который знает меня лучше всех собравшихся, обвиняет меня.

— Если я получу отчет от твоего помощника, в котором он доложит мне о твоём негодовании из-за того, что тебя отвлекают от чтения, или о том, что ты снова недоедаешь, тогда я обращусь к самому влиятельному человеку в храме, и потребую чтобы на тебя наложили запрет на посещение библиотеки.

Нельзя же быть настолько жестоким!

...по всей видимости, благодаря совместными усилиям, меня заставят вести здоровый образ жизни, даже в храме.